

Ради съемок исполнители главных ролей последние несколько дней спешно осваивали верховую езду. От них не требовали изящества или мастерства — лишь бы крепко держались в седле и не наделали бед в кадре.

К счастью, большинство актеров уже имели опыт работы в исторических проектах, так что навыки требовалось лишь слегка освежить. Но Чжан Хунсинь все равно переживал: больше всего его беспокоил новичок, которого привела Чжан Сяян. Он боялся, что Се Чжэнь вообще не смыслит в верховой езде, однако визит на конюшню обернулся для режиссера не просто сюрпризом, а настоящим потрясением.

Едва оказавшись на манеже, Се Чжэнь заметил мощного гнедого коня. Мастью тот был точь-в-точь как его боевой скакун из прошлой жизни, и он выбрал его без колебаний. Инструктор, впрочем, тут же замахал руками, уговаривая сменить лошадь: конь был диким, норовистым, признавал только своего дрессировщика, а любого другого всадника безжалостно скидывал на землю.

Чжан Хунсинь хотел было поддержать совет профессионала, но, обернувшись, обнаружил, что Се Чжэнь уже взлетел в седло.

Режиссер и инструктор вмиг побледнели.

— Он хоть когда-нибудь занимался конным спортом? — дрожащим голосом спросил Чжан Хунсинь у Сяян.

— От него не слышала, — она покачала головой, не сводя глаз с Се Чжэня, которого конь пытался сбросить. — Проклятье, что на него нашло?! Скорее, зови людей! Если с ним что-то случится, Ли Чжэн с нас обоих живьем кожу спустит.

Она торопливо отошла в сторону, чтобы набрать номер генерального директора Ли. Чжан Хунсинь был близок к обмороку. Инструктор уже связался со спасательной командой манежа, но никто не решался подойти к взбешенному зверю.

А Се Чжэнь тем временем уже унесся далеко вглубь поля. Конь и впрямь оказался горячим, инструктор не преувеличивал, но в нем не было ничего такого, с чем Се Чжэнь не смог бы совладать.

Едва всадник оказался на спине, скакун бешено забил копытами, выгибаясь дугой. Се Чжэнь намертво вцепился в поводья, буквально врастая в седло. Он терпеливо ждал, пока животное выдохнется, и лишь когда конь окончательно измотался, чуть ослабил хватку и ласково коснулся жесткой гривы.

— Славный зверь, — негромко произнес он.

Конь прынул ушами, будто понял похвалу, и внезапно затих — то ли смирился, то ли просто лишился сил для борьбы. Се Чжэнь легко усмехнулся: эта лошадь была на редкость понятливой. Хотя, конечно, до его прежнего боевого коня ей было далеко.

В Великой Ли имя Се Чжэня было неразрывно связано с его скакуном. Тот был настолько свиреп, что даже кони Ли Чжэна на его фоне казались смирными клячами. В битве при Хунпине он врвался в самую гущу вражеской конницы, втоптывая неприятеля в грязь и наводя такой ужас, что чужие лошади сбрасывали седоков и в панике разбежались. Се Чжэнь же стоял в стременах, едва ли не в полный рост, и разил врагов боевым копьем, а его скакун шел так ровно и уверенно, словно под ними была не окровавленная земля, а гладкий плац.

После того сражения о них слагали легенды. Говорили, что Се Чжэнь в бою превращается в кровавого безумца, и конь его под стать хозяину: чем больше крови чувствует, тем яростнее бьется. Кроме самого Се Чжэня, к нему никто не мог подступить. Однажды молодой и гордый Ли Чжэн решил во что бы то ни стало укротить этого зверя. Он бился с ним весь день, пока оба не дошли до предела, и в конце концов, когда руки Ли Чжэна окончательно ослабли, конь все-таки его скинул. Благо Се Чжэнь наблюдал за этим со стороны и успел подхватить своего господина.

Обойдя манеж по кругу, Се Чжэнь направил гнедого обратно к людям. Чжан Хунсинь и остальные в ужасе застыли: им казалось, что потерявший управление конь несется прямо на них. Они бросились врассыпную, а он, весело рассмеявшись, резко натянул поводья перед самым их носом.

Скакун свечкой взвился на дыбы. Окружающие вскрикнули, ожидая, что всадник сейчас вылетит из седла, но Се Чжэнь лишь ободряюще похлопал коня по шее. Тот послушно опустил хвост и замер, переступая с ноги на ногу.

Се Чжэнь легко спрыгнул на землю и с нарочитым недоумением приподнял бровь, глядя на перепуганную толпу:

— Что это с вами?

— Се Чжэнь!

Ли Чжэн, получив звонок от Сыян, бросил все дела и примчался на манеж. Разумом он понимал, что Се Чжэнь — не обычный человек, но он всё равно предательски испугался. Когда он увидел взметнувшиеся вверх копыта, ему показалось, что мир на мгновение замер. Ли Чжэн рывком притянул Се Чжэня к себе, едва сдерживая желание отчитать его как мальчишку.

— Ли Чжэн? А ты что здесь делаешь? — Се Чжэнь удивленно моргнул, а затем перевел взгляд на Чжан Сыян. Все стало ясно без слов. Он виновато улыбнулся: — Я в порядке. Это всего лишь конь.

— Боги, Се Чжэнь, ты и вправду умеешь ездить верхом?! — Съёмочная группа будто очнулась от транса, посыпались восторженные возгласы.

Вскоре прибежал и штатный тренер этого скакуна. Увидев, что Се Чжэнь цел и невредим, он не поверил своим глазам:

— Ты единственный чужак, которого А-Хун не попытался убить... Он еще жеребенком был, когда я начал его тренировать, так он меня раз десять лягнул, прежде чем подпустил к себе.

Се Чжэнь лишь скромно улыбнулся. В этом мире не существовало лошади, которую он не смог бы подчинить.

Он взглянул на гнедого, который шумно выдыхал через ноздри, демонстрируя свой нрав. «А-Хун... — хмыкнул про себя Се Чжэнь. — Назвать жеребца Рыжим. Неудивительно, что он всех лягает».

Умение Се Чжэня держаться в седле спутало все карты. Другие актеры тренировались еще пару часов и вымотались так, будто отпахали целую смену. Они с нескрываемой завистью смотрели на Се Чжэня, который сидел на коне непринужденно и статно, в то время как они дрожали над каждой командой, боясь разгневать своих «лошадиных величеств».

Вскоре к работе вернулась Линь Синь. Выглядела она из рук вон плохо — бледная, почти прозрачная, она казалась хрупкой веточкой, готовой сломаться от любого дуновения ветра.

Однако она мастерски использовала свою слабость. В первый же день режиссер Чжан Хунсинь упорно ее игнорировал, делая вид, что она — пустое место. Все на площадке понимали: старик затаил на актрису серьезную обиду.

Но стоило начаться послеобеденным съемкам, как болезненная немощь Линь Синь испарилась. Под толстым слоем грима она превратилась в решительную воительницу Фан Линлун. В батальных сценах она работала как одержимая, не щадя себя. От такой нагрузки она бледнела еще сильнее, но это в конце концов смягчило сердце режиссера. Заметив, как она, прикрыв рот рукой, тихо кашляет, Чжан Хунсинь даже буркнул что-то вроде: «Следи за здоровьем, пей лекарства. Не хватало еще снова график сорвать».

Хоть слова и звучали грубо, все поняли: инцидент исчерпан. Больше режиссер придирается не будет.

— Видишь? В этом и есть преимущество актрис, — Чжан Сяян, пристроившись рядом с Се Чжэнем, с хрустом вонзила зубы в яблоко. — Заболела, сорвала съемки, а потом разыграла «спектакль о страданиях» — и всё прощено. Если ее агент не дурак, скоро полетят статьи о ее невероятном трудолюбии и самоотверженности. Зрители такое любят.

Се Чжэнь равнодушно усмехнулся:

— Какой толк от этого имиджа перед публикой? Чжан Хунсинь ведь не слепой, он прекрасно знает, чего стоит ее «самоотверженность». Станет ли он приглашать её снова? Посоветует ли другим режиссерам?

Сыян на мгновение замерла. Она не ожидала от новичка такой пронизательности:

— Верно. Весь этот пафос — для фанатов. В индустрии репутация и реальные связи значат куда больше. А ты быстро схватываешь. С умными людьми работать одно удовольствие.

Се Чжэнь ответил дежурной улыбкой. На самом деле всё было просто: люди внутри системы часто ослеплены сиюминутной выгодой, а он, Се Чжэнь, всегда оставался чужаком, сторонним наблюдателем. С этой позиции истина видна отчетливо.

Он замолчал и поправил на плечах тяжелый доспех.

Сегодня на Се Чжэне был один из самых эффектных костюмов за всё время съемок «Линлунсинь»: чешуйчатая броня, переливающаяся холодным блеском, и алый плащ, тяжелыми складками ниспадающий до самой земли.

— Се Чжэнь, твой выход! Приготовься! — крикнул помощник режиссера. Се Чжэнь кивнул.

Снимали на натуре: вражеские войска перешли границу, и князь Инь Е лично ведет армию в бой.

Когда Се Чжэнь взглянул в зеркало после того, как ему наложили «кровавый» грим, у него на миг помутилось в сознании. Время будто схлопнулось. Он снова был в Великой Ли, снова сражался за империю, которую Ли Чжэн воздвиг на крови. В ушах эхом отозвался голос императора:

«Посмотри, Се Чжэнь, на эти земли. Какое величие».

«Пусть на моих руках кровь тысяч людей, я выжгу любую заразу, что посмеет посягнуть на наш покой».

«Отныне этот мир под моей защитой».

«В бой!»

Се Чжэнь зажмурился, стряхивая нахлынувшие видения. Когда он открыл глаза, прошлое было

надежно заперто в глубинах памяти.

Он встал и принял из рук ассистента боевое копьё. Прикосновение к прохладному металлу вызвало мимолетную улыбку, но, едва он ощутил его вес, он нахмурился.

— Слишком легкое, — прошептал он.

Сыян, стоявшая рядом, усмехнулась:

— Это же реквизит. Нельзя делать копьё из цельного металла — кто его поднимет? Если бы мы заказали настоящее боевое копьё, какое было у князя Се, им бы никто не смог махать.

— Князь Се? — сердце Се Чжэня пропустило удар.

— Твой тезка, — пояснила Сыян. — Хотя его эпоха была мимолетной, как цветение вишни. Неудивительно, что ты о нем не слышал.

Се Чжэнь замер. За два месяца в этом мире он успел изучить историю, но ни разу не встречал упоминания о Великой Ли. Он уже решил, что его родина здесь никогда не существовала...

— Это была... Династия Великая Ли? — голос его дрогнул, пальцы судорожно сжали древко.

— О, так ты знаешь? — Сыян удивилась. — Ну да, Ли Чжэн еще вечно шутит, что его имя совпадает с именем того императора. Хотя правил тот недолго — всего десять лет, а потом его убили. Говорят, был великим воином, с тысячей всадников прорывал десятитысячные заслоны и лично снимал головы с вражеских генералов. Кто знает, правда это или легенды. Записей почти не осталось.

Се Чжэнь опустил голову, скрывая взгляд. На его руках проступили вены, он едва слышно прошептал:

— Это правда...

— Да какая разница теперь, — отмахнулась Сыян. — Историки годами спорили, не выдумка ли всё это. Пока двадцать лет назад из-за оползня в горах не обнаружили гробницу князя Ли. Находки подтвердили, что династия существовала, а не была плодом фантазии летописцев.

«Гробница князя Ли... — Се Чжэнь закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подступил комок. — Место, где упокоился мой император...»

— Ты что-то сказал? — спросила Сыян, не расслышав.

Се Чжэнь глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться.

— Ничего.

— Ладно, забудь. Твой выход. Соберись. — Заметив, что Чжан Хунсинь скомандовал «Стоп», она похлопала Се Чжэня по плечу.

Се Чжэнь поправил доспех и, сжимая оружие, направился к камере.

Сыян провожала его взглядом, внезапно почувствовав странное оцепенение. На мгновение мир вокруг потерял краски, и единственным ярким пятном в нем остался Се Чжэнь. Такое чувство она испытывала лишь дважды.

Впервые — когда он пришел на пробы в образе Инь Е: благородный, статный, с врожденным величием. Тот удар она не забудет никогда.

И вот сейчас. Она смотрела на его спину, обтянутую доспехом, и её пробрала дрожь. В этой фигуре чувствовалась неумолимая воля воина, готового отдать жизнь за свою страну.

Сцену снимали на фоне зеленого экрана. Огромное поле боя, которое в постпродакшне должно было кишеть армиями, сейчас представляло собой пустое пространство с парой десятков массовки. Глядя на это, Сыян почувствовала, как весь пафос момента улетучивается.

— Старый Чжан, ну ты и скряга! — она под села к режиссерскому креслу. — Ли Чжэн влил в этот проект такие деньги, а ты до сих пор ютишься в павильоне с тряпками.

Чжан Хунсинь покраснел и сердито отмахнулся:

— Деньги, деньги... Ты хоть знаешь, сколько сожрали одни простои из-за Линь Синь?! А гонорары актеров? Ло Тин и Синь задрали ценники до небес, я по крохам собираю бюджет!

Сыян лишь посочувствовала:

— Тяжело тебе, старик.

— Не то слово, — вздохнул Хунсинь и тут же спохватился: — А где Се Чжэнь? Почему не на позиции?

— Да вон же он, — буркнула Сыян, указывая на площадку.

На самом деле Се Чжэнь давно был на месте. Он стоял посреди массовки, сжимая в руках

бутафорское копьё, и чувствовал накатывающую иронию судьбы.

Некогда великий полководец Се Чжэнь, перед которым трепетали армии, теперь стоял в окружении статистов.

— Я здесь, — негромко произнес он. Его голос, спокойный и глубокий, легко прорезал шум площадки и достиг ушей режиссера.

Чжан Хунсинь обернулся и, увидев его, неловко кашлянул:

— А, отлично...

Эта сцена была «сольным танцем» Се Чжэня — масштабная битва, где он был центром мироздания. Чжан Хунсинь мечтал передать отчаяние и величие этого момента. Будь у него больше средств, он бы увез группу в бескрайние степи, где колышется сухая трава и в небо поднимаются столбы дыма.

Режиссер замер у монитора и выкрикнул:

— Сцена триста семьдесят! Мотор!

Некоторые навыки впитываются с кровью и потом, становясь частью самой сути. Се Чжэнь обращался с копьём так, словно оно было продолжением его руки: выпады, блоки, круговые удары — каждое движение было безупречным. Оружие в его руках превратилось в послушного хищника. Эта пляска смерти была настолько органичной и пугающей, что Чжан Хунсинь, замороженный зрелищем, забыл скомандовать «Снято», даже когда Се Чжэнь вышел далеко за рамки сценария.

Лишь когда Се Чжэнь выбил оружие из рук последнего противника и приставил острие копья к горлу актера, игравшего вражеского генерала, режиссер очнулся:

— Снято!

— Великолепно! Просто блеск! Се Чжэнь, ты что, мастер боевых искусств? — Чжан Хунсинь сиял от восторга.

Се Чжэнь медленно опустил оружие. Актер, лежащий под ним, тяжело дышал, он всё ещё смотрел с неподдельным ужасом. Се Чжэнь протянул ему руку и помог встать.

— Немного учился, — просто ответил он.

— «Немного»?! — хмыкнул режиссер. — Двигаешься ты идеально. Но есть проблема: ты слишком крут. У зрителя не возникнет ощущения угрозы, если ты раскидываешь врагов как котят. Смерть твоего героя должна быть трагичной, а сейчас кажется, что ты бессмертен. Давай чуть поспокойнее, подыграй им.

— Понял.

— Сцена триста семьдесят, дубль два! Начали!

Во втором дубле Се Чжэнь честно пытался «поддаваться», но пропасть в уровне подготовки была слишком велика. Это выглядело так, будто мастер меча сражается с младенцами — как ни старайся, а разница в классе бросается в глаза.

Чжан Хунсинь почесал затылок. Проблема была не в Се Чжэне, а в массовке. Режиссер опросил всех присутствующих, нет ли среди них людей с реальной боевой базой, но результат его не устроил. В итоге Сяян предложила выставить против Се Чжэня самого постановщика трюков.

— Мысль здравая... — засомневался Чжан Хунсинь. — Лицо закроем шлемом, снимем со спины...

Так постановщик трюков оказался в доспехе вражеского генерала.

В этот раз дело пошло на лад. Режиссер довольно кивнул и принялся объяснять детали финального столкновения.

Се Чжэнь отработал пять дублей без перерыва. Тяжелый доспех накалился, актеры массовки в перерывах стаскивали шлемы, жадно хватая воздух. Се Чжэнь же стоял как вкопанный, не выказывая ни тени усталости. Зато постановщик трюков, участвовавший лишь в последних двух дублях, запросил пощады.

Се Чжэнь послушно присел на край декорации рядом со статистами. Сяян принесла воду. Одну бутылку она бросила каскадеру, другую передала Се Чжэню. Тот жадно отпил:

— Спасибо.

Каскадер, вытирая пот, посмотрел на него с уважением:

— Парень, сколько лет ты в деле? База у тебя железная.

Се Чжэнь едва заметно улыбнулся:

— С самого детства.

— Оно и видно! — выдохнул тот.

Даже опытному профессионалу было трудно противостоять Се Чжэню. Его удары были непредсказуемыми, углы атак — невероятными. Но сильнее всего давила аура: когда Се Чжэнь шел в атаку, постановщик физически ощущал желание отступить, хотя разум понимал, что это всего лишь кино.

Это было странно. Се Чжэнь казался худощавым, почти хрупким по сравнению с рослым каскадером, но в момент схватки он заполнял собой всё пространство, подавляя волю противника.

Се Чжэнь покосился на озадаченного трюкача, но промолчал.

На самом деле каскадер держался молодцом. Мало кто мог выстоять под взглядом Се Чжэня, когда в том пробуждалась боевая жажда. Конечно, он старался сдерживаться, но годы, проведенные в седле на полях сражений, не выветриваются из души.

Отдохнув, они вернулись к работе. Потребовалось еще десять дублей, прежде чем Чжан Хунсинь остался полностью доволен.

— Пока искры летят — снимаем следующую сцену! — азартно воскликнул режиссер.

Каскадер только горестно вздохнул, когда ему в руки всучили сценарий финала. Его задача была проста: в последний момент нанести Се Чжэню смертельную рану и погибнуть самому.

— Кажется, я обеспечил себе ненависть миллионов, — пробормотал постановщик, изучив текст.

Персонаж Инь Е уже стал любимцем публики. Обаятельный, статный, благородный — идеальный герой. И вот теперь он должен пасть от рук какого-то наемника.

— Режиссер, может, всё-таки не будем показывать моё лицо? — взмолился каскадер. — Если моя шестилетняя дочка увидит, что я убил её любимого князя, она же мне этого не простит!

Чжан Хунсинь и Сыян расхохотались. Режиссер ободряюще похлопал его по плечу:

— Не выйдет. Ты — главный антагонист в этой сцене, зло должно быть узнаваемым.

— Не переживай, — добавила Сыян, — после съемок Се Чжэнь даст тебе автограф с личным

посвящением для дочки. Обещаю, она будет в восторге.

Постановщик смиренно вздохнул и побрел к гримерам, напоследок наслаждаясь вниманием к своей персоне.

<http://bllate.org/book/17571/1713641>